

A stylized black and white illustration. In the upper left, a man wearing a blindfold and a feathered headdress is shown in profile, looking towards the right. In the center, a woman with dark hair and a necklace is depicted from the waist up, looking towards the man. The background features a large tree with many leaves and a dragon's head on the right side, with its mouth open as if breathing fire. The overall style is graphic and high-contrast.

Денис Хатин

МИТЬКА –
ПОБЕДИТЕЛЬ
ДРАКОНОВ

Сочинение

Денис Хатин
Митька – победитель
драконов. Сочинение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32491577
ISBN 9785449072177*

Аннотация

Самый обычный школьник оказывается в непростой ситуации: шуточный спор с папой по поводу домашнего задания заставляет мальчишку призвать на помощь всю свою премудрость и фантазию. А у настоящего романтика и мечтателя летние каникулы могут превратиться не только в череду неожиданных встреч и приключений, но и в самое лучшее сочинение на свете, в сказку о том, как Отважный Рыцарь отправляется в Заколдованный Лес, к Мрачному Замку, вызволять Прекрасную Принцессу из лап Коварного Дракона.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Митька –
победитель драконов
Сочинение**

Денис Хатин

Иллюстратор Алиса Чупрова

© Денис Хатин, 2018

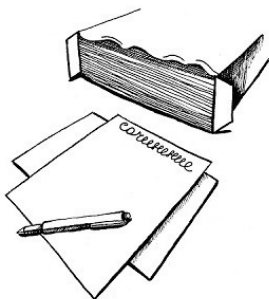
© Алиса Чупрова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7217-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Неприступное сочинение

«Как я провёл лето».

Митька старательно вывел прописные буквы и поставил точку. Аккуратная строка на мелованной бумаге выглядела, как стартовая линия марафона школьного сочинения. Словно атлет, который, переминаясь с ноги на ногу, плотнее впивается шипами кроссовок в беговую дорожку, готовый умчаться быстрее ветра, Митька поелозил в кресле, смахнул чернила о промокашку и вновь занёс ручку над листом.

«Сочинение ученика средней школы Мить...»

– Ой!

Фальстарт... Митька с досадой скомкал испорченный лист – кто же подписывается уменьшительным именем? Сочинение должно выглядеть солидно, потому комок полетел в корзину. Спустя час Митька понял, что наполнять мусорную корзинку это не самый лучший способ написать сочинение. Мальчик рассеянно возил ручкой по черновому листику. Солидная шариковая ручка в дорогом футляре с иностранной золотой гравировкой, которую папа торжественно вручил для работы над сочинением, не собиралась делиться секретами мастерства с молодым писателем. Митька почесал ручкой за ухом, постучал по голове, на что голова отозвалась гулким звоном, и даже чуть было не укусил по привычке, вовремя спохватившись, что ручка металлическая. Но ни единой дельной мысли так и не появилось. Мальчик поднял глаза. Картинка над столом запечатлела классика мировой поэзии и литературы, наверное, в такой же момент творческого кризиса. Прославленный поэт жевал перо и, кажется, был ничуть не меньше озадачен, чем его юный последователь.

– Вот-вот-вот! На диване, под одеялом и чтобы перо настоящее! А ещё чай с крыжовенным вареньем. Не, ну так каждый сможет...

Митька изучающе поглядел на кровать. Погода в этот летний полдень не располагала забираться под одеяло, до чаепития было ещё далеко, а варенья дома точно не было – уж

чего-чего, а это он знал наверняка. Аккуратно убрав ручку на её изысканную подставку из алого шёлка, Митька обернулся к окну. Через дорогу от дома шелестел изумрудной листвой городской парк. Мальчик выбрался на балкон и прильнул к горячим от солнца перилам. На облупившейся краске лоснились капли вязкой чёрной смолы, приставшие после недавнего ремонта на крыше. Где-то вдалеке ухала музыка, над деревьями ритмично взмывали кабинки аттракционов, а восторженные голоса заходились хохотом и визгом. Митька вздохнул и вернулся в комнату. Живут же где-то счастливые беззаботные люди! Мальчик плюхнулся в кресло и, оттолкнувшись от стола, закрутился, словно на карусели. У него, впрочем, забот тоже не было, кроме злополучного сочинения. И оно отравляло ему каждый день этого жаркого лета. Митька притормозил кресло и вновь окинул взглядом стол. Фирменная бумага, папина авторучка, даже специальный трафарет-подкладка для рукописи, чтобы строки шли ровно... Но вот не пишется, и хоть ты тресни! Митька отпихнул от себя письменные принадлежности.

– Ма, я во двор!..

Качели были излюбленным Митькиным местом, где он предавался фантазиям и размышлениям. Забравшись в пышущее полуденным зноем громадное автомобильное колесо, висящее на толстых железных цепях, Митька болтал ногами и размышлял о тяжёлой писательской доле. Он-то уже

вообразил себе, как будет перед классом зачитывать сочинение, аккуратно и важно складывая стопочкой прочитанные листы. Он не будет тараторить, лишь бы поскорее отпустили на место, и не будет нарочно тянуть время. Он будет спокоен до самой последней строчки. Потом он выдержит драматическую паузу, как это обычно показывают в кино, и негромко подведёт итог: «Вот так я и провёл это лето».

Затем подровняет стопку листочков, постучав торцом о стол, сложит их в папочку, завяжет тесёмки и невозмутимо пройдёт за свою парту так, будто всё это для него обыденно и в порядке вещей. А самая красивая девочка в классе будет смотреть на него широкими от восторга и изумления глазами... И вот его мечты о литературном триумфе рушились как карточный домик. Митька тяжело вздохнул. Угораздило же его поспорить с отцом, да ещё когда у того не клеилась работа!

...В тот день папа, погружённый в свои мысли, бродил по дому, то и дело подсаживаясь к любимому рабочему столу у книжных полок, листал какие-то толстые журналы и что-то переписывал себе в блокнот. Мама экспериментировала на кухне с новыми специями к обеду, а Митька переживал отмену пикника. Ну в конце концов, это ни в какие ворота не лезет! Ему же неделю назад обещали! Вздыхая и охая, Митька то и дело выбирался из своей комнаты на разведку. Каждый раз, проходя мимо папиной комнаты, он как бы

случайно задерживался, всем своим видом воплощал горечь и страдания, однако при этом зорко наблюдая краем глаза за папиной реакцией. Когда папа в очередной раз полез в книжки, Митька не выдержал:

– Па! Спиши наконец оттуда и поехали уже на шашлыки!

– Митя, так дела не делаются, – папа укоризненно посмотрел на сына. – У вас же наказывают за списанное?

Мальчик, насупившись, кивнул. Папа отметил что-то в блокноте и отложил книжку.

– Так и у нас. Только это будет заметнее и неприятнее. Это как сочинение. Сразу будет видно, где сам старался, а где сдул у соседа.

– Но ты же подсматриваешь в книгу?

– Это справочники. Я проверяю себя, чтобы не написать чушь. В этом и вся разница.

– А я вот всегда сам пишу!

– Молодец.

Папа перевернул страничку блокнота и неожиданно спросил:

– Кстати, как с летним заданием?

Митька прикусил язык. За летнее сочинение он даже не садился. Впереди ещё море времени, а тут такая погода...

– Я пока думаю, – уклончиво ответил мальчик.

– Это хорошо!

Папа набросал ещё пару строк в блокноте. Митька вдруг завёлся, оттого что папа его слушает вполуха.

– А я вообще его напишу от руки!

Папа по слогам промурчал под нос: «От-ру-ки...», что-то зачеркнул в блокноте и переписал поверх, снова зачеркнул.

– И без помарок, как у тебя! – выпалил Митька.

Папа вдруг захлопнул блокнот и пристально поглядел на сына. Митька ощутил себя громадным, высоченным и очень сильным. Папа прищурился:

– Вот прямо от руки? Ручкой?

– Да! – азартно бросил мальчик.

– Без компьютера?

– Ага!

Митька вошёл в раж. Папа поманил его к себе. Митька с первым шагом вдруг засомневался – что ещё затеял папа? А папа залез в глубину книжных полок, где хранил свои самые-самые ценные писательские штуковины. Митька ощутил запах старой фотоплёнки и дерматиновых переплётгов. Папа вытащил на свет продолговатую шкатулку красного дерева. У мальчика перехватило дыхание! Предмет Митькиных тайных мечтаний, который папа называл своим «трофеем», золотая авторучка в лакированной шкатулке, крышку которой украшала золотая табличка. Витиеватые иностранные буквы на табличке Митька пока разобрать не мог, но полагал, что это что-то чрезвычайно важное. Папа торжественно раскрыл шкатулку. Переливаясь маслянистыми бликами, в углублении на красном атласе лежала золотая палочка с заострённым наконечником. Сколько раз, пока родителей

не было дома, Митька тайком пробирался в глубину полок. Как сапёр, он нащупывал это сокровище, стараясь не задеть ни единого предмета! Он вытягивал ручку из футляра за специальный язычок, пришитый к подложке, ощущал её холодную солидную тяжесть в руках, представляя себя то великим учёным, то важным руководителем, и репетировал небрежную подпись, если вдруг кто-то обращался к нему с просьбой:

«Уважаемый Митька! Не будете ли вы так любезны завызировать? Вот здесь... И вот здесь, пожалуйста...»

«С превеликим удовольствием!» – важно отвечал Митька, выводя размашистую загогулину на листочке.

А потом тщательно протирал бесценную реликвию мягкой тряпочкой, начищал футляр и с ювелирной точностью пристраивал коробочку на место... Чтобы в следующий раз снова тайком пробраться к заветной сокровищнице и опять на несколько минут превратиться в известного писателя или государственного деятеля. Какой однажды приключился кошмар, когда ручка вдруг выскользнула из вспотевших от волнения пальцев и укатилась под шкаф! Митька рыбкой нырнул следом и целый час елозил на животе, пытаясь вытащить ручку. От одной мысли, что на ней могут остаться царапины или что она вдруг закатится в щель под паркетом, его пробивал холодный пот. Капризная авторучка как назло только переваливалась с боку на бок и не давалась в руки. А сейчас это счастье само раскрывается прямо перед ним!

Папа покачивал футляром, давая сыну получше рассмотреть игру солнечных зайчиков на рифлёных боках ручки.

– Прямо вот такой? – папа посмеивался уголками глаз, наблюдая, как на Митькиной рожице меняется вся гамма эмоций: от желания обладать до страха!

– Д-да...

– И прямо на нелинованной бумаге?

Митьку голос не слушался, он только кивал, ощущая, что связывается в какую-то невероятную авантюру. Но сейчас она казалась ему такой незначительной! Всего делов-то – сесть и написать сочинение! Папа искушал Митьку, протягивая ему раскрытый футляр. Митькины пальцы сами вытянули атласный ремешок, а папа не заметил, как привычно это произошло, или сделал вид, что не заметил. Золотая тяжесть, словно рукоять боевого меча, придавала сил. Митька воспрял духом:

– Да! Напишу!

Митька пару раз щёлкнул кнопкой, глядя, как выскакивает чернильное жало, словно пуля из ствола. И только он потянулся положить ручку обратно, как папа захлопнул шкапу, оставив авторучку у Митьки. Он будто бы отрезал дорогу назад, и Митька тревожно забегал глазами. Папа пробарабанил пальцами по гравированной табличке, а затем строго сказал «официальным» голосом:

– Договорились! Будем считать, что я, как редактор, дал тебе, как писателю, работу на лето.

– И проверять будешь?

– Обязательно! Но только когда всё будет готово. С меня канцтовары – с тебя сочинение. Но такое, чтобы в нём было твоё самое необыкновенное лето! Удиви! Меня, учительницу вашу, Марь Палну, весь класс!

У Митьки разгорались глаза – папа умел подать идею. Митьке даже показалось, что из ручки уже сами собой вылетают буквы, очень красивые и стройные, словно стремятся собраться на бумаге какими-то прекрасными словами. Удивить папу сочинением? И почему это раньше не приходило ему в голову?! Митька крепко стиснул авторучку, как золотой кинжал. Папа протянул руку:

– Мне тоже как раз дали задачу на лето, вот и посоревнуемся. Ну что, Митька, по рукам?

– По рукам! – очарованный нахлынувшим вдохновением, Митька протянул ладошку.

Папа пожал руку сыну и очень серьёзно добавил:

– Только давай сразу договоримся: закончить надо не в последний день. Обещаю, что я тебя подгонять не буду.

Отпустил Митькину руку и вложил в неё футляр авторучки.

– Обращайся аккуратно.

В комнату заглянула мама и застала Митьку с золотой авторучкой в одной руке и футляром в другой, словно египетского фараона, и посмеивающегося папу, делающего какие-то пометки в блокноте. Папа заметил маму и помахал ей

рукой, приглашая в комнату.

– Ты очень кстати! Наш сын с этой минуты официально состоит на службе в писательском отделе нашего дома!

Мама приняла игру:

– А что с окладом?

– Для начала просто на полном пансионе. Полагаю, можно выдать аванс печеньем.

Папа собрал свои записи в стол и молодцевато вскочил. Потрепал Митьку по вихрам:

– Собирайтесь с мыслями, молодой человек! А я ненадолго отлучусь за вашими письменными принадлежностями.

Папа своё слово сдержал: уже к вечеру компьютер на Митькином столе изрядно потеснился, уступив место инструментам рукописного творчества. Нет, играть Митьке никто не запретил! Но разве можно играть в какие-то там компьютерные игры, когда выпал шанс помериться силами с самим папой! Митька раскладывал и перекладывал свои новые принадлежности, потирая руки в предвкушении эффектного окончания спора. Он даже не представлял, насколько он заблуждался!..

Митька прижался щекой к цепи, глядя вдоль металлических звеньев в пронзительное бирюзовое небо, где, сверкая, словно хрустальные брызги, резвились стрекозы. Цепь казалась исполинской. Как цепи, которыми в старинных замках поднимали мосты над оборонительным рвом. Здорово, на-

верное, было рыцарям! Собрались в крестовый поход, и никаких тебе сочинений о том, как ты его провёл. Захотел – сам написал. Или просто так рассказал, а все уши развесят и слушают, слушают... Митька представил, как, покачивая перьями на сверкающем шлеме...

...Покачивая перьями на сверкающем шлеме, он ступил на песок детской площадки... Нет! На площадь посреди замка! Его верный конь грациозно перебирает копытами, ветер колышет знамя, расшитое золотом и алым. Соседи... Нет-нет, это горожане! Они потихоньку собираются вокруг, расспрашивают:

– Ну, как поход, Митька?

– Да как обычно. Крестовый.

– Удачно сходил?

– В этот раз неплохо.

– Митька! Расскажи!

– Обязательно... – устало отзывается Митька, поправляя перевязь тяжёлого меча. – Вечером собирайтесь, расскажу, как мы с королём Артуром...

...Кстати – король Артур! Митька вспомнил про книжку, принесённую вчера папой. Качели никуда не денутся, а вот книжку скоро придётся вернуть в библиотеку. Митька раскачался, ловко спрыгнул с качелей и с неподобающим рыцарю легкомыслием ускакал домой.

Ночью Митьке приснился удивительный сон. С золотой авторучкой наперевес он, словно рыцарь, бродил по просторам своего письменного стола. Откуда ни возьмись подул сильный ветер, закруживший конфетные фантики и листочки. Митька насторожился, ударил торцом ручки о столешницу, как копьём, выдвинув острый чернильный стержень. Толстая пачка бумаги для сочинения вдруг ожила и заворочалась, набухая, как огромная подушка. Ветер становился всё сильнее, покотив разноцветные карандаши. Пачка вздулась пузырьём и лопнула, взметнув над собой бумажный столб. Митька укрылся за каким-то зелёным сооружением, при ближайшем рассмотрении оказавшимся стирательной резинкой, только размерами с грузовик! Какая удача, что он оставил её здесь вечером! А столб бумаги и не думал опадать, превратившись в подобие змеи. Шелестящая лента извивалась над столом, явно что-то высматривая. Митька попытался осторожно шагнуть в сторону, и бумажный змей немедля обернулся к нему. На самом первом листке столба была нарисована злая рожица какого-то крокодила или скорее дракона. На папин розыгрыш это было непохоже. Митька на всякий случай выставил перед собой авторучку и короткими перебежками двинулся к стопке учебников на горизонте. За их жёсткими неистребимыми обложками ему ничего не угрожает. Не врут книги, ой не врут: были драконы на свете, а может, и сейчас есть, иначе откуда бы взял-

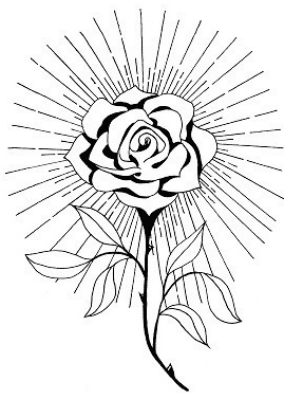
ся вот этот! Бумажный змей приближался, выкладываясь белой шуршащей полосой на гладкой столешнице. Он угадал Митькин манёвр и, резко бросившись в сторону, отрезал путь к спасительному убежищу. Митька оглянулся – теперь отступать было некуда. Накатываясь шелестящими волнами, змей теснил его к самому краю стола, за которым было черным-черно. Митька лихорадочно соображал, что делать дальше. Только он собрался было изо всех сил закричать, как бумажная морда оказалась перед самыми его глазами, и крик застыл на губах мальчика. Сердце колотилось так сильно, что казалось – вот-вот выпрыгнет из груди. Чернильные строки переливались свежей тушью, отчего глаза рисунка казались живыми. От их немигающего взгляда Митьку пробрал озноб. Нарисованные глаза заглядывали Митьке в самую душу, где прятались его самые далёкие детские страхи, о которых такому взрослому мальчику вспоминать уже неприлично. Например о том, что под кроватью, за бельевым ящиком, в тёмной пыльной щели кто-то живёт, что можно заблудиться в гастрономе или мама не успеет прийти на кассу, куда поставила Митьку караулить очередь, как старшеклассники задираются на переменах, угрожая знакомыми «королями района», или о том, как папа заметит, что Митька брал его авторучку... Дракон тихонько засмеялся, ощутив Митькино смятение.

«Не такой уж ты и отважный, рыцарь...» – прошелестела нарисованная морда.

Митька вздрогнул – дракон нащупал слабое место в рыцарской броне! Его нарисованные глаза сощурились в злые щёлочки, бумажная чешуя с треском вздыбилась колючей волной, и дракон, распрямившись, словно пружина, бросился на мальчика. Митька зажмурился и сделал отчаянный выпад ручкой в противную рожу. От треска рвущейся бумаги Митька проснулся...

Глава вторая

Вдохновение

Мальчик тяжело дышал, откинувшись на мокрую подушку. Леденящее впечатление ужасной пропасти отступало вместе с тающим сновидением. За окном разгоралась заря, рисуя на потолке причудливые тени. И вдруг снова раздался тот самый треск. Митька подскочил на кровати, раскидав по комнате подушки и одеяло. Звук на мгновение прекратился, а потом начался с новой силой. Драконов не существует, значит, надо искать другое объяснение. Мальчик внимательно осмотрелся и увидел громадную стрекозу, бьющуюся

в закрытую створку окна. Видимо, залетела спозаранку, позарившись на Митькин сладкий «аванс». Митька дождался, пока стрекоза остановится на очередную передышку, и осторожно накрыл её руками.

– Всё-таки дракон! – прошептал мальчик. – Мы проходили по английскому, ты – драгон флай, драконская муха!

Изнутри в ладони требовательно постучали жёсткими крыльями.

– Сейчас-сейчас!

Митька отворил окно и аккуратно высунул притихшую стрекозу наружу. Царапаясь острыми лапами, стрекоза вскарабкалась повыше на палец мальчика, наверное, чтобы лучше осмотреться. Расправила крылья, приноровилась к ветру, покачивая чешуйчатым хвостом, и, сорвавшись в утреннее небо, исчезла где-то над парком. Митька проводил её взглядом.

– Прилетай ещё, будет открыто...

Митька сгрёб обратно на кровать разбросанное бельё, но спать окончательно расхотелось. Он стянул со стола книгу и, взбив подушку повыше, погрузился в перипетии рыцарских походов.

Митька не был лентяем. У него всё получится! Сразу после завтрака он собрал всю свою волю в кулак и сделал ещё одну отчаянную попытку один на один одолеть непокорное сочинение. Пустой лист писчей бумаги казался необъятным,

как океан. Ну он уже не маленький, в конце концов, чтобы звать на помощь родителей! Как тореадор против быка, Митька сопел и жёг взором белоснежную пустыню чистой страницы. Ни-че-го! Абсолютно...

– Бе-бе-бе... Я ходил на речку, я собирал камешки, я сделал гербарий...

Митька брезгливо поморщился. Всё это было так же скучно, как мытьё посуды. Никто же не пишет о том, как он каждый день моет посуду? В этом нет ничего необычного, никакого азарта, никакой романтики... Этим никого не удивить! Толстая пачка нетронутой бумаги, не желавшей уменьшаться, несмотря на все Митькины старания, словно айсберг, неотвратимо стояла на пути океанского лайнера мальчишечьей фантазии. В отчаянии Митька обхватил руками голову. Рядом с шикарнейшей папкой плотного картона, с тиснением и настоящими верёвочными тесёмками, дразнилась книжка про короля Артура и рыцарей Круглого стола. Митька взмолился:

– Клянусь стенами Камелота, но одолеть это сочинение поможет только чудо! Настоящее... Как Мерлин... Или священный Грааль, например...

К его величайшему сожалению, всё это было всего лишь вымыслом или просто красивой легендой. Он уже был достаточно взрослым, чтобы знать, кто скрывается за курчавой бородой и красным носом Деда Мороза... Митька печально вздохнул, и взор его произвольно убежал на глянцевую об-

ложку с вдохновляющей картинкой и золотыми выпуклыми буквами. Ещё мгновение – и стопка бумаги задвинута в сторону, а мальчик углубился в чтение.

Митька потерял счёт времени, и, словно за тридевять земель, до него донёсся мамин оклик:

– Мальчики! Обедать!

В комнату заглянул папа:

– Митя! Работа работой, а обед пропускать нельзя.

– Ща, пап!

Папа оценил наполнение мусорной корзинки и занятие сына, покачал головой.

– Что, никак?

– Не-а...

– А прочитал сколько уже?

Митька показал разворот книжки, закладка лежала почти в середине. Папа изумился:

– Я тебе только вчера принёс!

– Она интересная... – виновато пробубнил мальчик.

Рассказывать о том, как проснулся ни свет ни заря и читал, Митька не стал. Папа задумался.

– Митя, после обеда у нас с тобой будет одно очень важное дело...

Папа изобразил напускную серьёзность.

– Пойдём записывать тебя во взрослую библиотеку. Будешь сам выбирать себе чтение.

Митька подпрыгнул, едва не опрокинув кресло.

– УРА!

– А сейчас – марш за стол! Только книжку оставь.

Догоняя папу, Митька спешно прибравшись на столе и скакнул к двери. Едва он потянул за ручку, как в комнату ворвался сквозняк, одним порывом снова раскидав бумаги. Митька оглянулся проверить, не оставил ли открытым окно, и обмер: ворох чистых листов из пачки поднялся ветром, словно живой. Видение длилось какой-то краткий миг. В бумажном шелесте мальчику почудилось тихое сипящее хихикание. Сквозняк всё ещё метался по комнате, отчего бумажный ворох извивался петлями, как белая угловатая змея, рассыпая чешую листов. Перед глазами тут же возникла картинка из сна и страшная злая рожа дракона... Митька не мог даже шелохнуться, парализованный ночным страхом. Вдруг что-то блеснуло за окном, словно зеркало или кусочек фольги, на миг зависло, переместилось и вновь замерло в воздухе. Стрекоза! Большущая стрекоза реяла снаружи за окном. Бумажный ворох метнулся к форточке, словно пытается поймать сверкающее насекомое. Митька сбросил оцепенение и резко захлопнул дверь. Сквозняк прекратился, оставив после себя лишь рассыпанный по полу мусор. Из кухни раздался взволнованный мамин оклик:

– Митя! У тебя всё в порядке?

– Ага, мам! Уже бегу!

Митька кое-как похватал бумагу и бросил на стол. Заметил пропущенный листок, завалившийся под кровать. Митька наклонился за ним и почувствовал, как по пальцам скользнул холодный ветерок. Лист будто бы дразнился, едва заметно подёргиваясь, словно норовя вот-вот ускользнуть от мальчика. А из пыльной темноты под бельевым ящиком снова почудился негромкий ехидный смех. Мальчик сердито выдернул лист, измяв его от волнения. В комнате снова было тепло и солнечно, но холодок в душе остался.

Митька рассеянно возил ложкой в тарелке. Он любил окрошку – и как салат, и как суп. Но из-за заклятого сочинения кусок в горло не лез. Папа подметил настроение сына.

– Мить, может, сперва над темой поработать?

– Мне ничего не нравится, – угрюмо пробурчал мальчик, топя в квасе непокорную зелень.

К столу под села мама.

– Напиши про наш парк. Ты же любишь там гулять. Там карусели, речка...

– Ма, я уже взрослый, чтобы писать про карусели, – Митька страдальчески закатил глаза. – Ещё скажи – сказку написать...

Папа вдруг оживился:

– Кстати, почему бы и нет? Написать убедительную сказку не так просто, как кажется. Да хоть про твоих любимых рыцарей.

Митька не понимал, папа шутит или говорит всерьёз. Папа задумчиво покачал ложкой, словно раскладывал мысли по полочкам.

– Выбери одного какого-нибудь не очень известного рыцаря. Придумай ему приключение и напиши.

Митька поднял бровь, на время прекратив сражение с гарниром.

– И чем это связано с летом? – недоверчиво спросил мальчик.

Укроп в тарелке решил, что противник отвлекся и можно снова побороться за позиции в квасном море. Его зелёные щетинки оперативно разбежались среди островков варёной картошки с редиской и, прикрываясь прозрачными огуречными ломтиками, заняли оборону вокруг кусочков колбасы. Половинка варёного яйца шествовала в этой битве как главный авианосец, с которого десантировались кружевные колечки зелёного лука.

– Тем, что лето ты провёл за освоением нелёгкой стези твоего отца-литератора, – папа вернулся к окрошке.

Митька переглянулся с мамой. Мама пожала плечами – у папы такая работа, ему виднее. Папа вспомнил одну очень важную вещь:

– Да, Митя! Как я и говорил, самое главное – не списывать из книжек. Надо самому поглубже узнать тему.

– В библиотеке?

– Именно! Но сперва разберись с окрошкой.

В глазах Митьки полыхнул огонь крестовых походов. Ложка сверкала в руке, не оставив мелко порубленному противнику ни единого шанса.

Прохладный воздух залов городской библиотеки был пропитан сладковатыми запахами леденцов, клея и старой бумаги. Митькины шаги гасли в истоптанной ковровой дорожке, которая прямой тропинкой лежала от дверей молочно-белого стекла до массивного деревянного стола библиотекаря. За столом пожилой человек в толстых очках колдовал над растрёпанной обложкой книги, собирая рассыпавшиеся странички и аккуратно подклеивая их к корешку. Папа деликатно откашлялся и кратко представил ему Митьку:

– Уважаемый товарищ библиотекарь, запишите, пожалуйста, молодого человека.

Библиотекарь посмотрел вверх очков на Митьку.

– Здравствуйте! – пророкотал хранитель книжной сокровищницы.

Митька одолел смущение:

– Здрасьте...

Мальчик даже приподнялся на носочках, чтобы казаться выше, протягивая школьный читательский билет. Библиотекарь без лишней суеты положил отремонтированную книгу под груз, поддёрнул шёлковые нарукавники и взял Митькину библиотечную карточку. Пробежал глазами длинный перечень книг, прочитанных без единого замечания, и обра-

тился скорее к папе:

– Похвально, похвально. А не слишком юн?

– Детскую библиотеку он уже перерос! – с гордостью сказал папа, потрепав Митьку по плечу.

Библиотекарь одобрительно хмыкнул и пододвинул к себе чистый бланк. Спустя несколько минут вожеленный читательский билет был оформлен. Первый Митькин взрослый документ! Это как будто бы пропуск в другой мир! У мальчика дух захватило от необъятных книжных рядов. Глаза разбегались – начать по алфавиту или с известных авторов? Библиотекарь переглянулся с папой и усмехнулся в усы, принимаясь за очередную книжку, ожидающую ремонта. Митька даже подпрыгнул от возбуждения.

– Пап! А можно я сперва ту дочитаю? – воскликнул он.

– Можно! – улыбнулся папа.

– Молодой человек! – укоризненно промолвил библиотекарь. – Вы в читальном зале, будьте любезны не шуметь.

– Ой, простите... – сконфуженно прошептал мальчик.

Библиотекарь кивнул:

– Приходите, буду рад видеть.

Оставив позади сумерки книжного царства, Митька с папой вышли на улицу. Папа вспомнил, что мама просила купить хлеба и повернул к булочной, а Митька потопал домой один, витая в облаках своих мыслей. Ему до сих пор не верилось – взрослая библиотека! Он теперь сможет на-

равне со взрослыми бродить между рядами, выбирать книги... Под ногами хрустнул песок игровой площадки. Митька привычно повернул было к качелям, но остановился как вкопанный. Во-первых, так уже было занято, а во-вторых... Это была Лина, по мнению Митьки, самая красивая девочка в классе. В золотом сиянии волос она так же недосягаема, как злополучное домашнее задание. У Митьки даже во рту пересохло. Лина... Задумчивая прилежная отличница, при этом настолько стеснительная, что редко кому называла своё необыкновенное полное имя – Лионора. Банты, ленты и бездонные глаза в пол-лица. Он никогда не осмелится заговорить с ней первым... Вся надежда была на сочинение. Митька вдруг преисполнился решимости. У него оно будет! Самое лучшее в классе. Чтобы она смотрела на него круглыми от восхищения глазами. Ой, а между прочим, она уже смотрит на него... Митька моргнул и поспешно отвернулся.

Стараясь глядеть прямо перед собой, мальчик шагал через игровую площадку. Митька не удержался и украдкой скосил глаза. Почему самая красивая девочка в классе выглядит такой опечаленной? Он никогда этого не узнает... Митька с сожалением швыркнул носом.

– Митя... Митя! Помоги мне!

Мальчик не поверил своим ушам – Лина звала его!

– Я?.. Сейчас!

И стрелой метнулся к качелям. Девочка с надеждой гля-

дела на Митьку и машинально теребила в руках пышный розовый бутон, отчего на песке вокруг неё алели опавшие лепестки.

– Мить, помоги! Я серёжку потеряла, вот такую...

Девочка откинула прядь, за которой на ушке качалась крохотная серебряная стрекоза, держащая в лапках жемчужный шарик. Митька как замороженный смотрел на переливающиеся крылышки, пока Лина не окликнула его:

– Мить, она где-то здесь. Давай поищем?

– Ага... – рассеянно протянул Митька, с трудом отводя взгляд от розового ушка. – Ща найдём! – уверенно пробасил он и закашлялся, поперхнувшись от волнения.

Словно большой жук, мальчик полз вокруг качелей, перебирая щепки и камешки. На площадке рассыпались багряные лепестки розы, и Митька украдкой зацепил парочку. На пальцах остался тонкий запах розового масла. Что-то больно впилось в коленку. Митька ойкнул и неловко уселся, схватившись за ногу. Он разворошил пальцами мусор – это оказался какой-то острый каменный осколок. Лина обернулась на его крик.

– Мить, ты чего?

– Да... – Митька отряхивал ссадину, вытирая руки о штаны, как и полагается настоящему мальчишке. – Наступил на что-то. Ерунда! – как можно небрежнее бросил мальчик, стараясь ничем не выдать боль в ноющей коленке. Внимание

девочки ему польстило, пожалуй, всё-таки можно чуть-чуть прихрамывать, как будто бы больно, он молча терпит, как настоящий рыцарь. Лина встревоженно спросила:

– Ты не поранился?

Митька растаял – какая она заботливая! Если бы, например, у рыцаря была такая принцесса, она бы всегда лечила его после сражений... И тут Митька замер, поражённый внезапной мыслью! Невидимые шестерёнки фантазии осенило вдохновение, механизм тронулся с места, приподнимая занавес. В расступающейся тьме показались неясные образы: мелькнула сталь доспехов, невесомый шёлк вуалей, приглушённый блик скользнул по острию меча, а на золотой короне вспыхнули драгоценные камни. Рыцарь! Принцесса! Вот оно, начало сказки! Митька даже зажмурился. Словно страницы веером зашелестели перед глазами. Мальчик вскочил и торопливо отряхнулся. Он путано забормотал:

– Лин, прости... Мне домой надо... Папа просил помочь... Выходи за... завтра?

– Хорошо... – растерялась девочка.

Митька боялся упустить внезапную мысль.

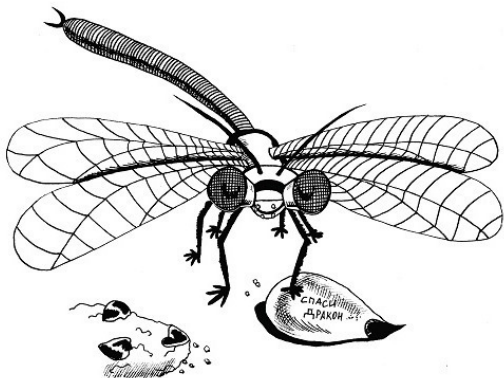
– Ага! Мы обязательно всё найдём! Честно-честно! Вот увидишь! – кричал он уже на бегу.

Сочинение внезапно распустилось в голове, как прекрасный цветок, как восход солнца. И, вскидывая сандалетами фонтанчики песка, Митька бросился домой, даже забыв героически хромать, как подобает раненому рыцарю. Скорей

к столу! Рука к перу, перо к бумаге!

Глава третья

Рукопись

...Сверкая хрустальными крыльями, стрекозы одна за другой расселись на нагретом солнцем подоконнике. Отважный Рыцарь убрал в сторону отполированный доспех и обернулся на шорох. Стрекозы крутили пучеглазыми головами и, не теряя времени, бросились опустошать вазочку со сладким печеньем. А на подоконнике оставили лепесток розы, алый, как капля крови. Рыцарь по поводу печенья не возражал, платы не требовал и собирался было смахнуть небесный гостинец, как вдруг разглядел на нём

надпись, а к самому лепестку была приколота крохотная серебряная серёжка-оберег, та самая, что носила Прекрасная Принцесса. Дурное предчувствие сдавило Рыцарю грудь. Кое-как нацарапанные буквы плясали перед глазами. Прекрасная Принцесса молила о помощи! Коварный Дракон похитил её и заточил в своём Мрачном Замке! Стиснув лепесток в руке, Рыцарь вихрем вылетел из комнаты.

Отважный Рыцарь кубарем скатился по лестнице, промчался мимо жарко натопленной кухни, где мать колдовала над пузатыми котелками, и ворвался в кабинет отца.

– Отец!

Седой рыцарь оторвался от толстой книги, в которой делал пометки золотым пером, и озадаченно посмотрел на Рыцаря:

– Где война, сын?!

– Здесь! – Рыцарь протянул ладонь.

Отец бережно принял смятый лепесток. Старику пришлось вооружиться диковинными стёклами, которые однажды вручил ему хранитель величайшей книжной сокровищницы. В них он выглядел точь-в-точь как мудрый филин. Отец прочёл записку и покачал головой:

– Так-так-так... Он всё-таки осмелился на это...

– Кто? На что, отец?!

– Присядь-ка, сын.

Обойдя книжные полки, старик пробежался пальцем

по кожаным корешкам и вытащил календарь столетия, который составил тот мудрец-хранитель. Рыцарь изнывал от нетерпения, ёрзая на скрипучем табурете. Он старался не обращать внимания на занозы, обильно торчавшие из потрескавшегося дерева. Отец давно просил его отремонтировать табурет, но Отважный Рыцарь то и дело из одного похода уходил в другой, и каждый раз до ремонта руки не доходили.

...Митька подтянул ногу и потёр ушибленный палец. С папой был уговор, что мелочи в своей комнате Митька ремонтирует сам, как настоящий хозяин и самостоятельный мужчина. И тот злополучный уголок плинтуса в его комнате уже давно намекал, что пора бы взяться за гвозди и молоток, но Митька никак не находил времени. А у плинтуса оно было всегда: проходишь мимо – получай по пальцу! Так случилось и в этот раз, когда Митьку принёс штормовой порыв вдохновения.

...Отец Отважного Рыцаря наконец нашёл нужную страницу.

– Вот, слушай! Приближается главное полнолуние столетия. В эту ночь Дракон может заключить договор с могущественными силами и до рассвета обернуться человеком.

Отец поглядел на сына поверх своих «совиных глаз», называемых «очками».

– Договор заключается с единственной целью – взять в жёны земную женщину, но только непременно принцессу. Таким образом, Дракон станет на земле королём и получит безграничную власть над стихиями дня и ночи.

Рыцарь почувствовал холодок, пробежавший между лопаток. Отец продолжал:

– Если в эту ночь Принцесса откажется выйти за него замуж, то с первым проблеском зари Дракон превратится в обыкновенную пугливую ящерицу и будет до скончания лет охотиться за мухами, убегая от одного лишь звука человеческих шагов. Такова для него цена договора.

– Но Прекрасная Принцесса никогда не согласится выйти замуж за это чудовище! – в сердцах выкрикнул Отважный Рыцарь.

Старик помрачнел.

– Тогда, чтобы уцелеть, Дракон должен сожрать бессмертную душу Принцессы, оставив нашу прекрасную госпожу неприкаянной тенью скитаться по земле...

– Не бывать этому! – крикнул Рыцарь, в ярости вскочив на ноги вместе с прицепившимся к его штанам табуретом. – Я отправляюсь спасти миледи!

– Благословляю тебя, сын! – молвил отец.

Отважный Рыцарь поклонился и бросился было собираться в дорогу, но что-то внезапно задержало его. Раздался резкий хруст – это отец освободил Отважного Рыцаря от своей мебели.

– Беги, сын!

Седой рыцарь отставил табурет, подумал минуту и пошёл искать инструмент, чтобы наконец обуздать его кусачее седло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.